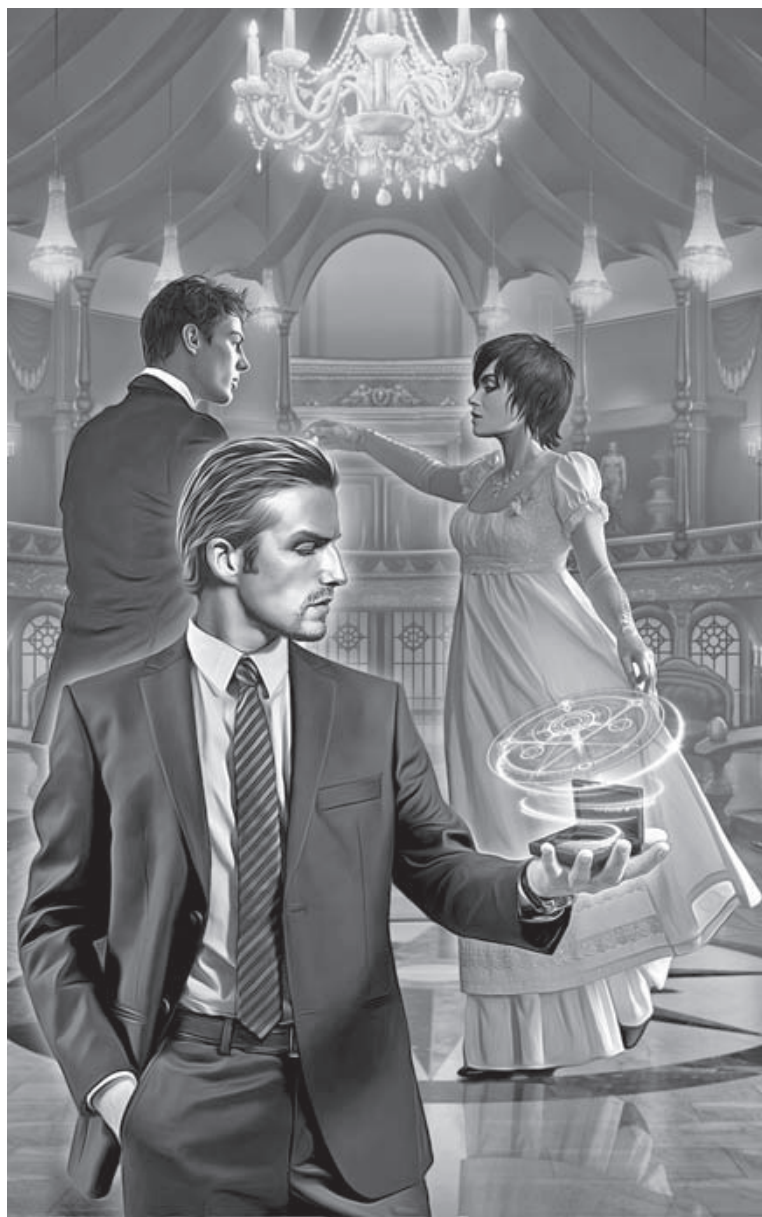

Наталья Бульба

ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА
ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА. ПЕРВОЕ ИСПЫТАНИЕ

ГЛАВА 1

Машина стояла во дворе.

Нет, не так!

Моя! Новая! Машинка! Стояла! Во дворе!

— Ключи, документы, — передал мне Данила Евгеньевич свидетельства собственности на джипик.

Маленьким. Отполированным до блеска. Черненьким чудом с огромным розовым бантом, привязанным к водительской двери.

— Круто! — восхищенно протянула, пристроившись рядом со мной, Юля. — Дашь покататься?

— Юля! — одернул ее Данила Евгеньевич.

Я только засмеялась. И ведь знала, что меня ждет подарок, но забыла. Как-то все вылетело из головы.

Последняя неделя выдалась беспокойной. Но это если не сравнивать ее с той, что была до нее.

А так...

В мою курточку, в которой ходила в ночной клуб, была вшита камера. Запись велась с момента, как я вышла из дома в тот злополучный вечер, и до самого приезда следователя, когда Андрей ее отключил.

Мне и так ничего особо не грозило — операция проводилась стрелковым клубом совместно с полицией и была одобрена Трубецким-старшим, запись же сняла даже малейший намек на обвинения.

А они могли быть. Внучка князя Ушакова! Андрей проговорился, в какой тот находился в ярости, когда узнал, что именно инкриминируют Антонине. Употребление магических наркотиков, серия убийств...

На записи моего лица не было. Допрашивали в стрелковом клубе, чтобы исключить малейшую возможность утечки ин-

формации. В материалах дела фигурировали лишь мои инициалы.

Единственные из тех, кто мог «сдать», — Антонина и парень, ставший ее сообщником.

Но ни она, ни он ничего сказать не могли. Распад личности. По словам Людмилы Викторовны, счет в их случае и так шел на дни, а ранение и факт задержания послужили толчком для схода лавины, окончательно убив тех, кем они были.

Ну а Светлана...

Невольная жертва, невольная соучастница, обеспечивавшая не только контакт с девушками, но и алиби. Она и так была не в себе, что я заметила еще в больнице, а после откровений, как именно ее использовала Антонина, полностью перестала осознавать реальность.

Страшная история.

История, которой могло не быть, если бы...

Наркотик, который принимали Антонина и ее парень, разрабатывался в фармкомпании, принадлежавшей Ушаковым.

Естественно, не как наркотик, а как препарат, улучшающий когнитивные функции у пожилых людей. Когда стало понятно, какими могут быть побочные эффекты, проект закрыли, а все наработанное — утилизировали.

Как оказалось, не все.

Об этом рассказал Трубецкой-старший. Естественно, лишь после того, как устроил нам всем головомойку.

Как он кричал!

Было страшно. Он хоть и крепок телом, но столь сильное волнение не очень полезно для мужского организма, о чем я ему и поведала.

Лучше бы молчала.

Второй его заход выглядел еще более драматично. Для нас.

Оставшиеся до начала учебы дни я проводила либо в стрелковом клубе — как выразился Андрей, восстанавливала форму, либо вместе с Данилой Евгеньевичем и Людмилой Викторовной в академии. Юлия тоже занималась повышением своей квалификации — писала цикл статей о простых людях.

Моя идея, но я даже не думала, что Юлия ею воодушевится. И если первая заметка явно была написана из-под палки — не чувствовалось в ней души, то следующая уже воспринималась иначе. Искренне.

Парням тоже досталось. И первое, что до них попытались донести, была мысль об ответственности. Не за самих себя, за нас с Юлей.

Если не принимать во внимание тот факт, что мы тоже вроде как не кисейные барышни, то такой подход лично мне импонировал.

Игоря, Антоху и Трубецкого-младшего я постоянно видела в стрелковом клубе. Но не на стрельбище, а на полосе препятствий. Тоже... восстанавливали форму.

А вот Илья пропал. Не в прямом смысле, конечно, просто выпал из нашей компании.

Не знаю, как остальные, но я об этом не жалела. Неприятный осадок остался от родственников отца. Если бы не княгиня... Князь на роль любящего дедушки точно не подходил.

Встречаться нам с ребятами не запрещали. В свободное от остальных забот время, не позднее девяти часов вечера и только под присмотром охраны.

Андрей назвал подобное меры расплатой за неспортивное поведение. И не важно, что это самое неспортивное поведение он мог пресечь еще в самом начале.

В этом был весь Андрей. Он всегда говорил, что люди учатся только на своих ошибках. А то, что подстраховывал...

Он — мой крестный. Кому, как не ему, заботиться о своей крестнице?!

— Ты во сколько сегодня заканчиваешь? — вернула меня в реальность Юля.

Прежде чем ответить, вспомнила расписание. Первой стояла приветственная речь ректора первокурсникам. Затем — вводная лекция. Потом — экскурсия по академии.

За эти полмесяца академию я узнала не хуже, чем флигель, в котором жила, но откалываться от коллектива не собиралась. И так освобождена от части практических занятий, зачет по которым сдала, работая в больнице санитаркой и медсестрой.

— Думаю, в двенадцать, — прикинула я расклад по времени.

— Тогда предлагаю потом пересечься и посидеть с парнями. А то у них с завтрашнего дня казарма. Видеться будем только по выходным.

— Согласна, — кивнула я, мельком посмотрев на Данилу Евгеньевича, который разговаривал с вышедшей на крыльцо Людмилой Викторовной.

К Тамаре Львовне он сегодня собрался ехать без меня. Тоже, похоже, давал возможность провести последний более или менее свободный день с друзьями.

— Тогда сбросишь сообщение? — улыбнулась я ей и, помахав рукой чете Соколовых, направилась к машине.

Сняв бант, открыла свое чудо. Бросив украшение на пассажирское кресло, устроилась на водительском.

Документы в бардачок, вдавить кнопку START, руки на руль...

На курсе восемьдесят три человека. Двоих дополнительно взяла в свою группу Людмила Викторовна. Одного — тот самый Березин, который с таким энтузиазмом пытался завалить меня на экзаменах.

В академии наставники едва ли не индивидуально работали с каждым студентом. Дар хоть и назывался одинаково — целецельским, но у каждого свои нюансы. Кому-то хорошо удавалась диагностика, кто-то прекрасно справлялся там, где нужна была нейтрализация. А были и универсалы. Вот с ними проблем больше всего. Требовали особого внимания.

В группе Людмилы Викторовны, куда попала и я, таких большинство. Но, как она говорила, оно того стоило. Самая востребованная категория целителей.

Подъехала я к академии за двадцать минут до начала занятий. Выбрала место на стоянке и...

За рулем человек меняется — доказанный факт. Вот лично во мне тут же просыпается кровожадность. Выйти и набить некоторым особо ретивым морду. И не важно, что я — девушка. Девушки, если их учить, тоже способны надавать по физиономии.

Пристроила свой джип через две машины от опередившего меня наглеца. Прихватив рюкзачок — сегодня было можно, вышла из салона.

Погода выдалась как на заказ. Тепло, ярко светит солнышко. И ни облачка.

Точно погодники постарались. Хоть и запрещено без особых на то причин, но сегодня такой причиной стал общий праздник.

Закинув рюкзачок на плечо, поставила машину на сигнализацию. Шагнула на тротуар.

У спорткара, занявшего приглянувшееся мне место, стояли двое парней. Точно не первокурсники, но в форменной одежде нашего факультета. Темно-синий костюм-тройка.

Мое появление они не пропустили. Буквально вцепились взглядом, словно поймали в аркан.

Когда подошла ближе — выход со стоянки находился в той стороне, один криво усмехнулся, но сдвинулся, пропуская.

— Тачка — крутая, а сама...

Фразы он не закончил. Совсем рядом взвизгнули шины... Я оглянулась, тут же улыбнувшись.

Ну вот не может Антоха по-другому. Везде ему нужно устроить показуху.

Впрочем, с таким спортивным кабриолетом, как у него, можно. Что машина, что водитель — оба хороши. А с учетом курсантской формы гвардейского имени его императорского величества общевоинского училища так вообще неотразимы.

— Саш!

Кричал не Антон — Игорь, сидевший справа от Мещерского. Толкнув дверь, выскочил, неся впереди себя огромный букет ярких гербер. Подойдя, сунул цветы мне в руки, щелкнул каблучками и исчез. Вместе с Тохой и его машиной.

Вот это я понимаю! Тщательно спланированная операция.

Поймав себя на том, что по-прежнему улыбаюсь, посмотрела на наблюдавших за всем происходящим парней.

Показав язык — выглядели парни обескураженными, прижала букет к груди и направилась к академии.

Будем считать, что день задался. А что будет дальше...

Загадывать не стоило. Стоило просто жить!

А цветы... Цветы я отдам Людмиле Викторовне. Они, конечно, красивые, но я любила другие.

* * *

В нашей группе двадцать два человека. Парней шестнадцать, но у большинства дар средний или даже немного ниже. Этому есть объяснение. Тем, кто посильнее, прямая дорога в полковые целители. Там и статус другой, и возможности. Империя благосклонна к погонам.

А еще среди них был Иван Струпынин, двоюродный брат Антона. Как говорится, неожиданная встреча.

Девушек — шесть. С тремя из них мы вместе сдавали экзамены на первом потоке. Подружиться — не подружились, но хотя бы знали друг друга по именам. Есть на что опереться.

— ...Теперь о практических занятиях.

Приветственная речь ректора была короткой. Несколько слов об истории академии. О том, что отныне уже нам предстояло продолжать летопись славных дел ее студентов и выпускников. О мастерстве преподавателей и наставников. Ну и о базе, на которой предстояло оттачивать свой дар.

Академия готовила специалистов по четырем направлениям: целительское, прикладное, бытовое и теоретическое.

И если с первыми тремя все понятно: целители лечили, прикладники выпускались как маги-инженеры в разных областях, бытовики работали со всем, что облегчало повседневную жизнь, — то с теоретиками ситуация выглядела значительно интереснее.

Именно они двигали вперед магическую науку. Изучая ее законы, открывали новые области применения и описывали основы, позволявшие создавать более эффективные магеми.

Звучало, конечно, красиво, но по факту многие из выпускников этого факультета затем преподавали в лицеях или других учебных заведениях, где проходила начальная подготовка одаренных.

В академии в этом году таких было сто сорок человек. И практически все — парни.

Как сказала одна из моих новых знакомых, Аня Филоненко, кто не хочет работать руками — идет думать головой.

Так это или не так...

Наш преподаватель в лицее был умельцем на все руки. Пусть и имел слабенький дар.

— Расписание все видели. С завтрашнего дня у вас начинается блок подготовки младшего медицинского персонала. Проще сказать, санитары.

— А зачем это нам? — приподняв руку, поинтересовался один из парней, сидевший рядом со Струпыниным.

— Представьте, пожалуйста, — без малейшего намека на неудовольствие попросила Людмила Викторовна. — Чтобы все знали наших героев.

— Виктор Бабичев к вашим услугам, — поднявшись, склонил он голову.

— Внучок князя Бабичева, — чуть слышно прошептала Аня. — Тот еще тип.

Я кивнула, давая понять, что приняла к сведению. А сама попыталась вспомнить — откуда знакома фамилия? И ведь слышала, но, скорее всего, это случилось достаточно давно, чтобы благополучно забыть. Да и контекст... Когда разговор важный, каждое слово впечатывается в память.

— Что ж, господин Бабичев, объясняю. — Выйдя из-за кафедры, Людмила Викторовна направилась к окну. Подошла. Остановившись, посмотрела вниз.

Аудитория находилась на втором этаже. Там же, где и кафедра практического целительства.

Не знаю, как выглядят учебные помещения в университете, но в академии все оказалось по высшему уровню. Красиво, чисто и удобно.

— Так вот, — развернувшись, продолжила она с той же улыбкой, — хоть вы в детстве и освоили в совершенстве горшок, вряд ли данный навык поможет справиться с уткой, судном или мочеприемником. А без этого, — она развела руками, — в целительстве никуда. Представьте себе богатого, но абсолютно беспомощного пациента, к которому в связи с его пограничным состоянием нельзя подпустить даже опытную сиделку. Вот и пригодятся навыки санитара. Захочет ваш пациент помочиться, а вы тут как тут.

Кто засмеялся первым, я не заметила, но спустя несколько секунд хохотали все. Включая Бабичева. Сноб не сноб, но на шуточки он не обижался.

— А так как этому мифическому пациенту, скорее всего, потребуется не только утка, но и капельница, — дождавшись, когда мы успокоимся, продолжила Людмила Викторовна, — освоив навыки младшего медицинского персонала, вы перейдете к следующему этапу собственной эволюции — обучению на квалификацию медицинской сестры.

— Или брата, — вновь подал голос Бабичев.

— И брата — тоже, — прежде чем вернуться к кафедре, благожелательно кивнула Людмила Викторовна. — От практических занятий по дисциплинам освобождены: Иван Струпынин, Анна Филоненко и Александра Салтыкова.

— А это еще почему? — подал голос другой парень.

Кому-то больше всех надо?!

— Потому что эти трое прислушались к рекомендациям для поступающих на целительский факультет нашей академии и отработали положенные часы до начала учебного года. О чем у них имеются соответствующие документы, подписанные руководителями тех медицинских учреждений, где они проходили подготовку.

— А что они будут делать, пока мы будем осваивать утку, судно и мочеприемник? — не сдался Бабичев.

— А они в это время, — продолжая сохранять удивительную невозмутимость, посмотрела на Бабичева Людмила Викторовна, — будут заниматься на кафедре медицины катастроф.

— Так это же третий курс? — Виктор явно не собирался отступать.

— А вам завидно? — чуть склонила голову к плечу Людмила Викторовна.

Выглядела она сегодня великолепно. Не зря профессор хмурился, глядя ей вслед. Догадывался, что не одно мужское сердце при виде ее забьется сильнее.

— Есть немного, — с некоторым вызовом сознался тот. — Я, может, тоже хочу.

— Для вас — по субботам, с девяти до пятнадцати, — кивнула Людмила Викторовна. — Аудитория триста один в нашем корпусе.

Мы с Анной понимающе переглянулись. Это же надо было так ловко поймать в изящно расставленные сети. Вариантов отказаться у Бабичева не было — до потери репутации недотягивало, но все равно пятно. А за ним подтянутся и другие. Потому как не просто факультатив, а с третьим курсом.

А это уже серьезно. По-взрослому.

— Раз возражений нет, невыясненным остался последний момент, — сменила тему Людмила Викторовна. — Кто из вас был в морге?

Первой руку подняла Анна. Затем Иван. Потом я. Затем еще четверо. И среди них Бабичев.

— Прекрасно! — Людмила Викторовна сделала пометки в журнале. — Будете старшими в тройках. И если ко мне вопросов нет...

Вопросов не было. Были эмоции. И даже больше, чем хотелось.

— Эй, подожди! — ухватили меня за плечо, когда я была на полпути к стоянке.

— Руки убрал! — огрызнулась я, остановившись.

Пусть скажет спасибо, что узнала по голосу, а то не обошлось бы без отработки приемов освобождения от захватов, которым учили Андрей с Ревазом.

— Убрал, убрал! — не стал нарываться Бабичев, опуская руку. Обойдя, встал напротив, преграждая путь. — Ты из каких Салтыковых?

— А что, в вашем роду этикету не обучают? — неприязненно посмотрела я на Виктора.

Там, в аудитории, он вел себя хоть и несколько вызывающе, но все-таки в рамках приличий. Сейчас же его поведение граничило с оскорблением.

— Да ладно, — вроде как улыбнулся он. — Ты же из провинции?

— Это позволяет тебе вести себя по-хамски? — уточнила я, заметив появление у выхода пары знакомых лиц.

— Слушай, детка... — подался ко мне Бабичев.

— Какие люди!.. — насмешливо протянул подошедший вместе с Игорем Трубецкой.

Бабичев оглянулся.

— Саш, — предложил мне руку Игорь, — тут без тебя разберутся.

Я кивнула, ухватилась за подставленный локоть. Конечно, и сама могла за себя постоять, но знать, что есть кому тебя защитить, для девушки очень приятно.

— Как вы оказались здесь так вовремя? — уже выйдя на стоянку, спросила я у Игоря.

Очень хотелось оглянуться, но я сдержала порыв. Для драки не подойдет — не тот повод, а уж в умении убеждать словесно Трубецкой-младший был неподражаем.

— Иван Тохе прислал сообщение, что этот тип на тебя глаз положил. Как только нас распустили, рванули сюда.

— Беспокоились? — остановилась я у своей машинки.

Та, на которой приехали парни, стояла у самого выхода.

— За Виктора, — ухмыльнулся Игорь. — А то пришлось бы потом труп прятать.

Сказано было настолько серьезным тоном, что я сначала даже опешила. Неужели они обо мне столь плохого мнения? Затем вспомнила о проснувшейся утром собственной кров-

жадности и была вынуждена признать: трупы не трупы, но мало ли чем все могло закончиться.

И только потом поняла, что это — шутка.

Мы рассмеялись. И не важно, что повод вроде как был разным.

* * *

В кафе мы приехали первыми. Устроились за столиком у окна. Пока ждали остальных, заказали по безалкогольному коктейлю.

Я бы предпочла что-нибудь посущественнее, но отрываться от коллектива не хотелось.

В отличие от меня коллектив был в ударе. Пообщаться на тему кто и насколько изменился за время отпуска они, похоже, не успели и теперь развлекали меня рассказами о сокурсниках.

Если бы не солдафонский юмор...

Благодаря Андрею и Ревазу я была знакома с этой частью армейских будней, так что понимала, где и над чем смеяться.

И все было бы просто замечательно, не испортить все сама.

— Саш, — перебила я Трубецкого-младшего, который собирался поведать нам очередную байку, — а что это было там, у академии?

Он как-то резко замкнулся. Бросил взгляд исподлобья на явно подобравшегося Игоря.

Реакция была странной. Более того, для меня она оказалась совершенно неожиданной. Я-то рассчитывала на то, что сведут все к шутке, намекая на их мужские игры, а тут...

— Уверена, что хочешь знать? — после недолгого, но многозначительного молчания мрачно поинтересовался тезка.

Вопрос был из тех, на которые ловятся, как на крючок. Я исключением не стала.

— Да, уверена, — солгав, твердо произнесла я.

Вступления оказалось достаточно, чтобы включился инстинкт самосохранения, намекавший, что многие знания — многие печали. Вот только отступить было поздно. Сказав «а»...

Прежде чем заговорить вновь, тезка расстегнул пуговицу на воротнике-стойке парадного кителя, потянув за цепочку, вытащил наружу похожий на часы амулет. Только вместо стрелки был черный овальный камень.

Повернув этот самый камень, Трубецкой-младший «выставил» его на шесть часов. И лишь после этого вновь посмотрел на меня.

Защита от подслушивания!

У отца был такой амулет. Техническими средствами не пробить. Да и магией ключик подобрать непросто.

— После той истории отец для вразумления показал мне одну бумагу, — сложив руки на груди, неохотно принялся объяснять тезка.

Начало было не очень приятным. Та история, когда я осталась один на один с двумя слетевшими с катушек наркоманами. Антонина Ушакова и ее парень. Вседозволенность и избалованность с одной стороны. Извращенная любовь — с другой.

Сочетание получилось страшным, отметившись кровавым следом.

— Какую бумагу? — отставила я практически еще полный бокал. Машинально пододвинулась.

Особой нужды не было — амулет надежно прикрывал от подслушивания, но когда речь заходит о тайнах... В таких случаях хочется быть как можно ближе.

— Свидетельство о временном попечительстве над девицей дворянского происхождения, именуемой Салтыковой Александрой Игнатьевной, — не отводя взгляда, четко, по слогам произнес он. — И не просто свидетельство, а еще и с резолюцией его императорского величества, что делает эту бумагу особо весомой.

Я отшатнулась, когда он еще только начал говорить. Схватила за стакан с коктейлем, тут же вновь поставив его на место. Потянулась за салфеткой...

Игорь перехватил руку. Бережно сжал ладонь...

Я оценила его желание поддержать, но вместо слов благодарности за чуткость в голове набатом билось: «Отец! Отец. Отец...»

Нет, с ним все было в порядке, я чувствовала. Но это сейчас. А вот что будет потом?!

— Саш, — взгляд тезки несколько смягчился, — такое попечительство оформляется, когда родители несовершеннолетнего служат в определенных структурах и выполняют особое задание. И твое настоящее имя не важно...

— Меня зовут Александра, — перебила я его. Закрыла глаза, чувствуя, как близко подступила паника.

Сейчас бы побыть одной. Привести мысли в порядок...

— Ты ведь так и не осознала, что это значит, — «встряхнул» меня Трубецкой.

Открыв глаза, посмотрела на тезку, давая понять, что готова к продолжению откровений.

На самом деле все было не так — внутри то ли кипело, то ли сжималось в пружину, то ли пробивало холодом.

Да и как к такому подготовишься?!

— Пока тебе не исполнится двадцать один год...

— Восемнадцать, — поправила я, намекая, что с возрастом совершеннолетия он ошибся.

Трубецкой качнул головой:

— В свидетельстве возраст оговорен — двадцать один год. До этого момента за все, что происходит с тобой, отвечает отец. И я, как его наследник.

Судя по взгляду, он рассчитывал на негативную реакцию.

Что ж, она была. Только показывать ее я не собиралась.

Увы! Внутренних сил, чтобы сдержаться, мне не хватило.

— Так ты поэтому примчался?! — поднимаясь, скривилась я. — Опасался, что свяжусь с Бабичевым. Не хотел подвести...

— Саш, — мгновенно остудив меня, грустно улыбнулся Трубецкой, — не говори ерунды. Хотя... — Он вновь бросил взгляд на Игоря и, когда тот кивнул, продолжил: — А вот что касается Бабичева, то ты права и не права. Ты ведь в курсе, что именно Бабичевых подозревают в похищении дочери изгнанного из рода Воронцовых Воронина?

— Кого? — от неожиданности отшатнулась я. Да так резко, что Игорь даже отпустил мою ладонь.

О том, что меня потребовалось срочно воскресить, Андрей сказал. Но как-то вскользь и сопровождая фразой, начисто отбивавшей желание узнать подробности.

Так надо...

Мужчинам — их игры. Женщинам — ждать и верить, что те знают, что делают.

— Ты что, новости не смотрела? — удивился он. Потом, вспомнив, как меня нагружали последнюю неделю, понимающе кивнул. — Информацию раскопал журналист из одной желтой газетенки, но отец, когда я спросил, подтвердил — основания для подобной версии у следствия имеются.

— А причина? — как-то даже успокоилась я.

Андрею, явно прокручивавшему за моей спиной свои дела, я не только верила, но и доверяла.

А то, что эти самые дела касались меня лично...

Не самое приятное ощущение, но у Андрея должны были быть веские основания для таких сложностей.

— Вроде как князь Воронцов, вопреки отсутствию прав на нее, сосватал непризнанную внучку за второго из сыновей князя Бабичева. Как раз отца того самого Виктора, с которым ты схлестнулась.

— За кого?! — не пропустив и всего остального, «возмутилась» я возрастом своего мифического жениха.

Если Виктору семнадцать, то папеньке...

Минимум ровесник моего отца.

— Вот и я о том же, — отнюдь не весело подтвердил оставшееся несказанным Трубецкой. — А если учесть еще и слухи, касающиеся гибели матери Виктора, то все становится совсем интересно.

— А что за слухи? — тут же вцепилась я.

Своя судьба меня, конечно, тоже интересовала, но кто пройдет мимо чужих тайн? И хотя я не считала себя слишком уж любопытной...

В моем положении информация не могла быть лишней. Уж если Андрей, зная о попечительстве Трубецкого, организовал запасное жилье и другие документы, значит, до конца не верил в то, что князь способен меня защитить.

Тезка только качнул головой:

— Там все настолько мутно, что конкретно никто ничего не знает. Но погибла она, когда Виктору было уже девять. То ли была измена, то ли ее не было. То ли отец Виктора сам убил жену, то ли нашел ее мертвой, то ли она покончила с собой... Короче, тайна, покрытая мраком.

— Что не мешает ей время от времени пованивать, — добавил Игорь, кивнув на окно.

В отличие от Трубецкого, чтобы увидеть подъезжавшую к кафе машину Тохи, оборачиваться мне не пришлось.

— А вот и наши голубки пожаловали, — прокомментировал их появление тезка.

Я закатила глаза — ну зачем так откровенно, но мысленно была вынуждена согласиться. Отношения Антона и Юли все больше выходили за рамки дружеских.

И если, с одной стороны, это было здорово — нам только и оставалось, что радоваться за друзей, то с другой...

То, что будущего у них нет, понятно. И не только мне или теще с Игорем. Думаю, что и сами Антон с Юлей это прекрасно осознавали.

Но тогда возникает вопрос: зачем все это?! Потрепать себе нервы?

Я опасалась другого. Того, что пережили отец с мамой, пойдя против воли родителей.

— Кстати, а профессор о попечительстве знает? — отвлекла я Трубецкого от наблюдения за Тохой, который как раз помогал Юле выйти из машины.

И ведь ни малейшей фальшивой ноты, чтобы заподозрить в игре на публику. Оба были искренни. И оба наслаждались тем, что с ними происходило.

— Скорее нет, чем да, — развернулся к нам с Игорем теща. Вернув камень амулета на три сорок пять, убрал его под одежду. Застегнул воротник кителя. — В субботу в «Медузе» вечеринка молодых дворян.

— Лично я идти не намерен, — поморщился Игорь. — Хватит с меня череды обязательных осенних балов.

— А меня никто не приглашал, — продемонстрировала я беззаботность.

— Это не проблема, — вроде как ухватился за мысль Трубецкой, но, увидев, с каким выражением лица я посмотрела на него, тут же поднял руки, сдаваясь. — Понял, даже не предлагаю.

— Это вы о чем? — услышав конец фразы, остановилась у стола подошедшая Юля.

— О вечеринке в субботу, — тут же поддержал разговор Игорь.

— А... — протянула Юля, присаживаясь на отодвинутый для нее Антоном стул. — Мы не идем.

— Мы — это кто? — явно уловив в сказанном намек, заинтересовался Игорь.

— Мы все, — невинно улыбнулась Юля и подмигнула мне. — Мещерские приглашают нас на выходные в свое загородное имение. Мы уже согласились. За всех, — добавила она с улыбкой.

— Ну если за всех... — хмыкнул Трубецкой-младший. — Так отцу и скажу: Юля распорядилась.

— Да ладно тебе! — отмахнулась она.

А я в душе порадовалась.

В тот вечер, когда ловили маньячек, не зная, что одним из этой пары окажется парень, Андрей перехватил Сашку, Анто-на, Игоря, Илью и Юлю, заставив покинуть ночной клуб.

Что чувствовали ребята, оставив меня одну, я даже не пыталась представить. Лишь догадывалась, что легкими те минуты, когда все висело на волоске, для них не стали.

И ведь не их вина. Да и предательством произошедшее назвать невозможно, но... Несколько дней общались едва ли не через силу, словно тот вечер продолжал стоять между нами.

И вот наконец все изменилось. Не стало как прежде. Стало по-другому. Еще крепче и надежнее.

И хотя я знала, что вряд ли это продлится долго, но...

Иметь друзей — здорово.

Иметь таких друзей — счастье!

* * *

— Не стой истуканом, — кивнул Трубецкой на стул у при-ставного столика.

Всем был хорош его помощник, но иногда включал режим подобострастия. И вот тогда князю, предпочитавшему в работе краткость и четкость, приходилось туго.

Он даже пытался пару раз поговорить с Маратом, но неко-торых легче пристрелить, чем убедить. И ведь во всем осталь-ном вполне адекватен — попробовал бы быть таким упертым в том, что касалось службы, но вот во взаимоотношениях его иногда замыкало.

— Узнать о содержании разговора вашего сына и его друзей, который состоялся в кафе, обычными способами не удалось. Александр Трофимович использовал амулет полной защиты.

— Даже так... — сложив руки на груди, откинулся назад Тру-бецкой-старший. — И кого прикажете благодарить за появле-ние у ребенка новой игрушки?

Физиономия Марата осталась каменной. Впрочем, князь не пропустил, как в глазах плеснуло весельем. Но это — все. Все, что тот себе позволил.

— Разрешите высказать версию? — вытянувшись сидя на стуле, уточнил Марат.

— Высказывай, — не моргнул глазом Трубецкой.

— Вряд ли это Андрей Аркадьевич. Он хоть вроде как и снял группу наблюдения, но пару раз наши люди наткнулись на подозрительных личностей.

— Так, может...

— Не может, ваше превосходительство. Без сомнения, это люди стрелкового клуба.

— Тогда кто? — нахмурился Трубецкой.

Вариант с Хлопониным был самым простым, хоть и вызывал вопросы. Насколько он успел узнать Андрея, за информацию тот был готов на многое.

— Уверен, что это работа княгини. Тамары Львовны, — на мгновение отвел взгляд Марат.

— Кого? — опустив руки, выпрямился князь.

Ему оказалось достаточно минуты, чтобы все взвесить и согласиться — такое вполне могло быть. Во всем они с супругой сходились взглядами, кроме тотального надзора за отроками.

Впрочем, и с этим он не спорил — должна быть у них определенная степень свободы. Но...

Данный случай оказался особым. Ошибиться нельзя.

— Ты ведь уже раскопал, чья она внучка? — жестко посмотрел князь на Марата.

Вот тут этот тип маску и сбросил.

— Обижаете, Трофим Иванович. Уже неделю как знаю. Аккурат когда детишки маньяков наших ловили, тогда и выяснил. Признаться честно, был удивлен.

— Тем, что Салтыковы не сделали все возможное, чтобы вернуть Анну?

— Тем, что не признали внучку, — поправил его Марат. — С матерью-то уже сложнее — порченый товар, а вот внучка...

— Приказали им туда не лезть, — нахмурился Трубецкой.

Ему ведь тоже... приказали. Правда, обратное. Следить, беречь, наставлять, если потребуется. Ну и жизнь отдать, вдруг сложатся такие обстоятельства.

Он бы и без приказа...

Пряник в этой истории для него тоже имелся. Высочайшее лицо, как оказалось, являющееся настоящим дедушкой Саши, не было против, если под венец ее поведет Трубецкой-младший.

— Ну раз приказали...

— Как думаешь, Хлопонин в курсе?

Думал Марат недолго.

— Уверен, что — да. Но на его отношение к крестнице это никак не повлияло.

— Вот и я уверен... Ты сказал, что обычными способами не удалось, — вспомнил он касавшуюся разговора в кафе часть доклада. — А необычными?

— Полная расшифровка будет чуть позже, но если коротко, то ваш сын рассказал Александре Игнатьевне про свидетельство о попечительстве.

— Даже не спрашиваю, как вам это удалось...

— А вы спросите, — окончательно избавившись от образа недалекого службиста, с легкой улыбкой «попросил» Марат.

— Если даже так... Ну давай, удиви меня, — вновь откинулся на спинку кресла князь.

— Имеется у меня человек, умеющий читать по губам. Его работа.

— Удачно, — дернул головой князь. — Знал или предполагал?

— Предполагал, что рано или поздно, но детишки найдут способ защититься от прослушивания. Вот на всякий случай и перестраховался.

— Это хорошо, что перестраховался... — задумчиво постукивал Трубецкой пальцами по столу.

Время позднее. Его ждали Тамара и сын, для которого эта ночь будет последней под крышей дома.

— Княжич Мещерский пригласил всю компанию в загородное поместье, — словно прочитал его мысли Марат. — В субботу. С ночевкой.

— Это ты к чему? — насторожился Трубецкой.

С дочерьми было проще. И больше Тамарино влияние, но и сами девчонки, хоть и росли шепутными, границы дозволенного знали твердо.

И с замужеством их проблем у князя не возникло. От предложений отбоя не было, выбирай — не хочу, но князь с решением не торопился. Пока ждал, когда «проснутся», учил разбираться в людях. Не видеть только плохое — оценивать со всех сторон, понимая, что именно стоит за словами и поступками.

С тактикой не ошибся. Обе уважали своих мужей. И — любили, что тоже было немаловажно.

— Иван Струпынин числится в одной группе с Александрой Игнатьевной.

Трубецкой, жестом показав, чтобы Марат не дергался, поднялся с кресла. Дойдя до бара, плеснул коньяк на дно стакана. Выпил.

— Значит, старый князь решил не отступить, — протянул он, продолжая держать стакан в руке. — Понял, что с Антоном вариант не сработает, и тоже, как и ты, решил подстраховаться.

— На первый взгляд все так и выглядит, — развернулся на стуле Марат.

— Но ты с этим не согласен? — обернулся к нему Трубецкой.

— В этой же группе Виктор Бабичев.

— А этот откуда появился? — нахмурился Трубецкой. — Он же поступил в военное училище?

— В последний момент забрал документы, — все-таки поднялся Марат. — Ваше превосходительство, позвольте еще одну версию?

Трубецкой нахмурился. Манеру общения Марат изменил резко, словно готовя к неприятностям.

И ведь не сказать, что князь не был к ним готов...

В последнее время стало подступать желанием покоя. Не часто, но иногда находило, словно намекая на приближающуюся старость.

Мысль была неожиданной. Главе рода Мещерских уже за семьдесят, а голова у него работала, как у молодого. И о покое вряд ли он думал. Скорее уж продолжал печься о благосостоянии рода.

— Давай свою версию, — поставил он стакан на столик.

— Я взял на себя смелость проконсультироваться с некоторыми специалистами. Естественно, без имен, — предвосхитил Марат замечание князя. — Так вот, после этих консультаций у меня сложилось мнение, что Виктор Бабичев ищет донора для своего отца.

С наводящими вопросами Трубецкой не торопился. Вернулся за стол, жестом вновь усадил Марата. Потом пододвинул к себе лист бумаги, взял ручку.

— Давай еще раз, но уже с подробностями, — потребовал он, собираясь фиксировать по пунктам.

То, что Марат пришел не только с информацией, но и с выводами, было хорошо — сам их так учил, но...

— Восемь лет назад умерла жена Анатолия Бабичева. Просто не проснулась. Вскрытие, чтобы установить причины смер-

ти, не делалось. Сослались на то, что та долгое время болела. Но, как удалось выяснить, основным симптомом болезни была сильная слабость. Однако записей никаких нет, и целителей к ней не приглашали. В течение нескольких месяцев после смерти жены Анатолий Бабичев и сам выглядел так, что краше в гроб кладут, но затем все резко изменилось. На балу у Истоминых он появился уже цветущим.

— Это с чем-то связано? — сделал пометку Трубецкой.

— Примерно в это же время он завел содержанку. Из известного о ней — имя и то, что была молодой целительницей.

— И где теперь эта женщина? — оторвался от записи Трубецкой и посмотрел на Марата.

Тот развел руками:

— Неизвестно. Мы потихоньку попытались отыскать следы, но чуть не попались СБ рода. Пока решили затихнуть.

Трубецкой подумал, кивнул скорее собственным мыслям, чем словам Марата...

— Когда она пропала?

— Спустя два года после начала их отношений.

— И снова Анатолий Бабичев начал выглядеть плохо.

— Недолго, — подтвердил слова князя Марат. — Он быстро завел новую любовницу. Через год сменил ее.

— Жива?

— Да, — кивнул Марат. — Замужем за одним из дальних родичей. Есть дети. Как вы понимаете, подступиться к ней, не имея на то оснований, мы не можем.

— Что дальше? — постучал Трубецкой ручкой по столу.

И ведь вроде ничего такого... Каждый случай сам по себе не представлял интереса, а вот их совокупность...

— Так продолжается каждый год, — криво усмехнулся Марат. — Новая любовница-целительница. Через год супруга кого-нибудь из дальних родичей. И надо уточнить, что кого-нибудь из обедневших родичей, у которых тут же появлялись средства то на новый дом, то на новый бизнес, то на учебу других детей.

— И что говорят специалисты? — подумав о том, что Бабичевых становится в последнее время слишком много, спросил Трубецкой.

— Говорят, что существует такая аномалия дара, когда одаренный больше не может перерабатывать получаемую извне энергию. Только брать у других людей. Особенно у целителей,

которые в силу своих способностей хорошие доноры. Чаще всего такое может случиться после серьезных усилий. Например, когда происходит большой выплеск, а контроль еще слабый.

— По наследству передается? — уже не скрывая своего недовольства, уточнил Трубецкой.

Сказка про вампиров, только в условиях их реальности.

Как говорится, не было печали...

— Нет, — слегка порадовал его Марат. — Но тем не менее я предлагаю установить за Виктором Бабичевым плотное наблюдение.

— Думаешь, нацелился на Сашу? — свел брови к переносице Трубецкой.

Ему хватало и тех проблем, что уже были, а тут еще и эта...

— Там есть более одаренный студент. Универсальный донор. Я, конечно, не уверен в способах передачи целительской энергии, но предпочитаю перестраховаться. Да и Александру Игнатьевну исключать из возможных объектов его внимания не стоит. Мало ли...

Марат был прав: мало ли...

В их ситуации лучше предусмотреть и самое неприятное.

ГЛАВА 2

Второе сентября решило отыграться за работу погодников. Дождь начался ночью. Под подвывание ветра хлестал в окна, навевая тоску.

К утру осадки прекратились, но все равно было пасмурно и очень холодно. Хорошо, на выходные прогнозировали тепло, а то бы наша поездка в загородное имение Мещерских оказалась под угрозой.

Нет, мы бы нашли чем заняться, но князь обещал прогулку верхом. Под дождем не то удовольствие.

К академии я подъехала за двадцать пять минут до начала занятий. Спорткара на стоянке еще не было, так что заняла приглянувшееся еще вчера место. Вроде и не месть, но намек, что спать надо меньше.

Прихватив сумку — она была значительно тяжелее уже ставшего привычным рюкзака, вышла из машины. Еще раз

мысленно поблагодарив Андрея за своевременно приобретенную теплую одежду, направилась к выходу со стоянки.

Меня окликнули, когда уже почти подошла к воротам:

— Саша!

Оглянувшись, недоуменно посмотрела на спешившего ко мне Илью. Вот кого увидеть я точно не ожидала.

— Что-то случилось? — строя разные версии, заинтересовалась я, когда он подошел.

— Во-первых, привет, — немного грустно улыбнулся он.

В отличие от Антона, Игоря и Сашки Илья выбрал гражданский вуз, так что стоял сейчас передо мной в идеально подогнанном по фигуре костюме.

А то, что холодно...

Похоже, он знал пословицу, следуя которой форс мороза не боялся.

— Привет, — не стала я спорить с такой постановкой вопроса. — Так что случилось?

— С тобой хочет поговорить бабушка, — кивнул он на стоявшую неподалеку машину.

Та выглядела скромно. Обычный темный седан.

— Я в машину не сяду, — твердо произнесла я, оценивая ситуацию.

Да, княгиня — это не князь, но...

Трудно сказать, что было у них на уме.

— Она выйдет, — понимающе хмыкнув, успокоил он. — Поговорите на улице. Ну хотя бы вон там, — показал он на скамейку во дворе академии.

— Хорошо, — прикинув, что пока не опаздываю, согласилась я. И, не дожидаясь, направилась к скамейке.

Княгиня подошла буквально через пару минут. Одета была неброско, но эта неброскость лучше иных слов говорила о достатке и положении. Маленькая аккуратная шляпка поверх уложенных в прическу волос, тонкое кашемировое пальто, перчатки, сумочка, легкие сапожки...

В ней чувствовались и порода, и умение себя подать.

— Здравствуйте, Надежда Николаевна, — первой поздоровалась я. — Рада видеть вас в добром здравии.

— Спасибо, деточка, — дружелюбно улыбнулась она.

Вот только взгляд был...

Грустный у нее был взгляд. Виноватый.

— Я не отниму у тебя много времени, — опередила она меня с просьбой поспешить. — Так уж получилось, что прикипела я к тебе сердцем. Да и Илья отзывается о тебе только в превосходных степенях. Говорит, из настоящих людей ты.

Слова были приятны, но я не обольщалась. И хотя никакой другой подоплеки не чувствовала, понимала: люди способны на многое. А уж скрывать свои настоящие чувства...

Этому большинство учится с раннего детства.

— Я хотела предупредить тебя, — резко сменила она тон. — Будь осторожна. Тобой очень интересуются Бабичевы. А это не самые хорошие люди из моего окружения.

— И чем я им так интересна? — сделала я вид, что удивлена.

А сама вспомнила вчерашний разговор. Там — Бабичев. Тут — Бабичев...

— Я не уверена, — несколько замялась княгиня, — но вроде как им очень требуется целительница.

— Не поняла? — вот теперь уже искренне удивилась я.

Да, целители — штучный товар, но не такая уж редкость, чтобы не найти.

Если нуждаются в помощи...

— Возможно, — осторожно начала она, — речь идет о каких-то экспериментах. Мне точно ничего не известно, но ищут молодую девицу с сильным даром. — Она прямо посмотрела на меня. — Ты ведь, наверное, слышала, что мой супруг вроде как обещал им нашу внучку.

— Какую внучку? — бросила я взгляд на стоявшего за оградой Илью. — У вас же внуки.

— Это страшная история, — тут же поникла она плечами. — Я даже не знаю, жива она...

— Жива, — перебила я княгиню, не в силах вынести плеснувшую от нее боль.

— Что? — непонимающе посмотрела она на меня. Потом в глазах появилась надежда. — Ты... откуда...

— Мой дар, — кляня себя последними словами, проямлила я. — Я могу...

— Молчи! — жестко перебила она меня. — Молчи и никому, кроме самых верных, не говори об этом. — Смотрела не с гневом, но с недовольством. — Я поклянусь самым дорогим — здоровьем детей и внуков, что не выдам твоей тайны. Но ты сама... — Она, сетуя, качнула головой. И вновь сначала обмяк-

ла, словно расслабилась, потом заулыбалась. — Еще бы знать, что она в безопасности. А то ведь Бабичевы...

— Не знаю про Бабичевых, — пережив кучу эмоций, вновь не дала я ей закончить, — но ваша внучка точно в безопасности.

— А сын? — с безумной надеждой посмотрела она на меня.

Я бы и хотела ее успокоить... Пришлось выворачиваться:

— Извините, но его я не чувствую. Ни живым ни мертвым. Словно преграда не дает.

Потерянная надежда не сделала ее старой, но тут же вернула все прожитые года. Да еще и прибила тяжестью вины.

— Так и должно быть, — негромко произнесла она после недолгой паузы. — На мне этот крест. Мне и нести. А ты, — вновь посмотрела она на меня, — помни про осторожность. И если потребуется моя помощь...

Она ушла, а я все стояла и словно наяву видела, как она идет, опираясь на руку Ильи. Как садится в машину...

— Ты чего застыла? — вернул меня в настоящее голос Ани. — В первый же день хочешь опоздать?

— Да вот, — вздохнула я, — задумалась о великом.

— Это о чем? — заинтересованно посмотрела она на меня.

— Где обедать сегодня, — улыбнулась я ей. — В студенческой столовой или добежать до кафе.

— Тьфу ты, — хмыкнула Аня. — А я уж подумала... Кстати, это ведь была княгиня Воронцова?

Мысленно пожелав ей икоты, была вынуждена кивнуть. Да, она. Ну и объяснить, чтобы обошлось без дальнейших распросов:

— Я работаю помощницей у профессора Соколова. Княгиня Воронцова — одна из пациенток профессора, с которой пришлось работать. Вот решила поздравить с началом учебы.

Как я и ожидала, объяснение Аню устроило. Но не полностью.

— А те два курсанта вчера на стоянке? — продолжила она пытаться меня по пути к корпусу.

По-хорошему можно было оборвать, сказать, что нечего лезть в чужие дела, но, думаю, не одна Анна задавалась этими вопросами. Хватило короткого знакомства, чтобы понять — эта барышня умеет сходить с людьми. Ну и быть в курсе всего тоже.

— Сын князя Трубецкого и Игорь Валдаев. Оба однокурсники Юли, дочери профессора. Передали через меня букет Людмиле Викторовне.

— Точно, — даже обрадовалась она, — видела у нее вчера этот букет. А сначала даже подумала, что это работа Березина.

— А при чем тут Березин? — резко остановилась я.

Аня заметила это не сразу. Прошла вперед, потом замерла, оглянулась...

— А ты чего, не видела, как он на нее смотрит? — искренне удивилась она.

— Кто? — спросил за меня один из тех двоих парней, с кем столкнулась вчера на стоянке.

И когда подошли?

— На кого? — уточнил второй.

— Кстати, — первый посмотрел на меня, — это место — мое.

— В большой семье не щелкай клювом, — довольно оскалилась я. — Кто успел, того и тапки.

— Слушай, Кир, — едва ли не возмущенно посмотрел тот на второго, — это она что, к нам в родственницы набивается?

— Это она тебе намекает, что вставать надо раньше, — подмигнув мне, заявил Кир. — И она права. Сколько я тебя будил?

— Так вы — пара?! — едва ли не восторженно прошептала Анна.

Я машинально сделала шаг назад. Ну, думаю, все...

Кир успел перехватить того, первого. Придержал за плечо.

— Мы братья. Родные, — произнес он, тяжело глядя на Анну. Потом перевел взгляд на брата. — А ты нашел с кем связываться. С малолетками.

И ведь был прав. Глупые, лишённые чувства самосохранения, но при этом слишком наглые малолетки.

«И живые позавидуют мертвым...»

Когда отец говорил, что учеба на первом курсе похожа на страшный сон, я была уверена — преувеличивает.

Оказалось, преуменьшает.

— В столовую или в кафе? — хмуро посмотрела на меня Аня после окончания второй пары.

Первой шла анатомия. Второй — латинский язык.

До этого дня мне казалось, что отец со мной занимался значительно больше, чем это требовалось. Теперь я считала, что намного меньше, чем стоило. Усвоить все, что нам задали к

следующему занятию, на первый взгляд было просто невозможно.

— А может, просто посидим где-нибудь в тихом уголке? — предложила я, прислоняясь к стене у окна, рядом с которыми мы стояли. — Не знаю, полезет в меня сейчас кусок или нет.

— Полезет, — заверил меня подошедший Иван. Сдвинутый набок белый колпак на голове добавлял его виду щеголеватости. — Если барышни не против, то есть здесь тихое место, в котором неплохо кормят.

Барышни были не против. После большой перемены была медицина катастроф. И нам до нее требовалось обязательно дожить.

* * *

Факультатив по медицине катастроф был необязательным предметом. Да еще, если не считать субботних занятий, стоял в такое время, что попасть на него могли только подобные нам счастливики.

Судя по наполненности аудитории, к третьему курсу многие сообразили, что некоторые практические предметы лучше сдавать заранее. Не пропустишь что-нибудь интересное.

Нас, первокурсников, среди тридцати человек было четверо. Аня, Иван, я и Лука — угрюмый молодой человек из группы профессора Березина.

Как сказала Анна, которая успела узнать все и обо всех, сильный целитель, но слабо подготовленный по биологии. Потому и попал в разряд тех, кто вроде как и принят, но только до первой сессии. Стоит завалить хоть один предмет, и все, сразу на отчисление.

— Добрый день, дамы и господа. — В аудиторию вошла Людмила Викторовна. Выглядела она сегодня строже — брючный костюм делал ее неприступной, но столь же эффектно, как и вчера.

— Добрый день, — дружно поднялись мы.

— Можете садиться, — прошла она за кафедру. — Рада видеть тех, кого хотела увидеть.

— Это вы обо мне? — приподнялся один из двух парней, которые вот уже второй день встречались на моем пути.

Они тоже были здесь. И даже успели несколько раз бросить взгляд в мою сторону.

— Конечно, о тебе, Петр. И о твоём брате.

— Крутые парни, — шепнула мне на ухо Аня.

И ведь еще утром она о них ничего не знала.

— Чем? — хмыкнула я.

Их тачку я видела. Интересно было узнать, только ли в деньгах дело или в ходу еще и родственные связи.

— Родственниками, — подтвердила мое предположение Аня. — Седьмая вода на киселе, но имеют отношение к императорскому роду.

После ее слов я внимательнее посмотрела на парней. Деньги деньгами, но о том, что рада видеть их на факультативе, Людмила Викторовна говорила без малейшего намека на шутку.

А это значило, что к ребятам стоило присмотреться. Без особых заслуг госпожа Соколова на моей памяти еще никого не выделяла.

— Давайте начнем вот с чего, — вернула меня с небес на землю Людмила Викторовна. — Целители и чрезвычайные ситуации. Зачем нужны мы, если обычно на месте ЧС хватает и специально подготовленных медицинских работников?

— У нас нюх, как у обученных собак, — едва она закончила, вновь приподнялся Петр.

— В точку, — сделав жест, словно эту самую точку и поставила, произнесла Людмила Викторовна. — Наша эмпатия позволяет чувствовать жизнь не хуже, чем натасканным четвероногим.

— Если не лучше, — подала голос Аня.

— Также согласна, — кивнула Людмила Викторовна. — Для тех, у кого эмпатия выше среднего, поиск живых в таких ситуациях — простое дело. Страх, ужас, боль, непонимание, желание выбраться любой ценой... Эмоции разные, но все они для нас как маяк.

— Мы можем определить состояние потерпевшего еще до того, как он будет извлечен спасателями, — решила и я включиться в обсуждение. — И даже поддержать жизнедеятельность, если это окажется остро необходимо.

— Великолечно! — благожелательно кивнула мне Людмила Викторовна. — Еще?

Мы с Аней переглянулись. Вроде самое главное...

— При необходимости целители быстрее и точнее делают сортировку, — в очередной раз поднялся Петр. — Честно сказать, лично меня от этого коробит.

— И не только тебя, — уже другим, серьезным тоном произнесла Людмила Викторовна. — Но когда речь идет о массовых жертвах, именно выбор целителя может спасти жизнь тому, кому ее еще можно спасти. Классический медик делает сортировку скорее интуитивно, пусть и основываясь на установленных правилах визуального осмотра и собственном опыте. Мы же видим картину именно такой, какова она есть.

— Не самая приятная перспектива, — высказался кто-то из находившихся выше рядов.

— Вы даже осознать до конца не можете насколько. — Людмила Викторовна вышла из-за кафедры, обошла стоявший рядом стол и встала, опершись на его край. — Четыре года назад, ночью, после лобового столкновения с фурией с виадука упал междугородний автобус, в котором на тот момент находилось сорок три пассажира плюс водитель. Внизу — железнодорожные рельсы. По согласованию с руководством МЧС на подобные случаи, если они не связаны с химическим, бактериологическим или иным специфическим поражением, кроме штатных медиков вызывают и нас, внештатных целителей. В тот раз поехали мы с профессором Березиным и четверо студентов.

— Это тогда у водителя фуры случился инсульт?

Я оглянулась, чтобы посмотреть на спросившего, и...

Петр наблюдал за мной. Внимательно. Изучающе.

Достаточно, чтобы вспомнить слова Анны. Седьмая вода на киселе, но имеют отношение к императорскому роду...

Совершенно ненужный мне интерес.

Сделав вид, что не заметила, вновь посмотрела на Людмилу Викторовну.

— Да, — не столько кивнула, сколько на мгновение опустила голову она. — Как затем выяснилось, предрейсовый осмотр в компании, осуществлявшей перевозки, был чистой формальностью. И эта формальность стоила жизни одиннадцати человек, не считая самого водителя. Но сейчас речь не об этом.

Она откинула голову назад, потом опустила. Медленно выдохнула.

Чтобы проникнуться серьезностью темы, вполне достаточно. Мы и так старались дышать через раз, а тут вообще затаились, словно мышки.

— Когда подъехали, группа МЧС уже работала на месте. Раненых поднимали с помощью люлек, раскладывали на дороге. Медики появились практически одновременно с нами, но... — Она не закончила, заговорив уже о другом: — На сортировку встали мы с профессором Березиным и двое студентов в качестве помощника-фельдшера. Работали по смешанной схеме, включая беглый осмотр на внешние признаки, обычно видимые издали.

— Например? — вновь подал голос кто-то из задних рядов.

— Например... — повторила она как-то... жестко. — У пострадавших мужчин с тяжелой черепно-мозговой травмой возникает сильная эрекция. Это признак крайне тяжелой ЧМТ и практически гарантированной смерти.

— Ни хрена себе... — высказался кто-то слева.

Людмила Викторовна никак не отреагировала:

— На каждого пострадавшего на этом этапе сортировки отводится сорок секунд. Малая диагностическая магема при достаточной подготовке разворачивается за двадцать, оставляя столько же на принятие решения. Чем быстрее вы работаете с магемой, тем точнее приговор. А в тех условиях для тяжелых пострадавших это действительно может стать приговором.

— Но их же поднимали не всех одновременно, — опять последовало замечание из зала.

Людмила Викторовна криво усмехнулась:

— Те сутки были тяжелыми. Ранняя весна. Сначала все растаяло, затем резко похолодало, и выпал снег. На всех ведущих к Москве трассах аварии. В большинстве своем без летальных исходов, но пострадавших было много. Машин «скорой помощи» не хватало. Так что да, времени было достаточно для полной диагностической магеми. Но толку от этого оказалось мало. Тяжелых много. Шесть или семь человек из тех одиннадцати мы потеряли лишь вследствие несвоевременной помощи. Однако все это я вам рассказала по иной причине. — Она сделала короткую паузу, словно давая нам самим догадаться о том, о чем собиралась говорить. — После той сортировки один из двоих помогавших нам с профессором студентов забрал документы из академии.

— Сломался? — хихикнули теперь справа.

— Мы называем это — сгорел, — опять никак не отреагировала Людмила Викторовна. — И именно для того, чтобы сгоревших было меньше, для целителей обязательно каждые пол-

года, а при необходимости и чаще, прохождение курса реабилитации.

— А как же полковые целители? — вспомнила я про отца.

На этот раз Людмила Викторовна пусть и едва заметно, но улыбнулась:

— Полковые целители дают присягу. Они — служат Родине и воспринимают свои действия как долг.

— А мы? — вроде как обиделся Петр.

— А мы — работаем, — словно давая почувствовать разницу, чуть склонила голову Людмила Викторовна. — А иногда еще и кочевряжимся, выбирая место послаще и пациентов побогаче.

— Ну как же без этого! — не без сарказма хохотнул Кир и посмотрел почему-то на меня. Почему именно, стало понятно уже через мгновение. — И кстати, раз уж заговорили на посторонние темы, не поведаете, что среди нас делают первокурсники?

— А вас они смущают? — неожиданно задорно фыркнула Людмила Викторовна.

И не скажешь, что совсем недавно говорила о страшных вещах.

— Еще как! — заверил он. — Одно дело — мы, другое — эти салаги.

— Ну раз салаги... — выпрямилась Людмила Викторовна. — Давайте-ка я представлю их, тогда и решим: салаги или нет. Начнем с девушек. Анна Филоненко, — жестом попросила она Аню подняться.

Аня стесняться не стала. Поднялась, шутовски раскланялась на все четыре стороны, что тут же разрядило обстановку.

— Анна Филоненко, стопроцентный нейтрализатор. И при этом — универсал, что, как вы понимаете, делает ее уникальным целителем.

Аня вновь поклонилась и села.

А я поймала себя на том, что немного завидую той легкости, с которой она вписывалась в жизнь академии. Легкости и вездесущности.

Пойдешь направо — она там. Свернешь налево — тоже там. Вернешься...

У меня так никогда не получалось. Да и вряд ли получится.

— Александра Салтыкова-младшая, — заставил меня забыть о проблемах коммуникации голос Людмилы Викторовны.